

УДК 1(091)+172.4+17.023.6

НАСКОЛЬКО
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫ
КАНТОВЫ ПРИНЦИПЫ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА?¹

А. С. Зильбер*

Проводится комплексный анализ содержания, значения и сценариев применения трансцендентальных принципов публичного права, сформулированных Кантом во втором приложении трактата «К вечному миру». Сопоставляются различные интерпретации принципов российскими и зарубежными исследователями. Затрагиваются вопросы о том, какой тип «публики» подразумевается в данных принципах, целесообразны ли принципы как априорные критерии выбора максим, насколько они эффективны как эмпирические критерии определения правомерности и насколько обоснована применяемая к ним характеристика «трансцендентальные». Рассуждения Канта на тему политической публичности, являющие сложную историю и представленные в целом ряде сочинений и лекций, приводят нас в область эмпирических практик и антропологических наблюдений, которые, будучи собраны вместе, грозят нарушить требуемую чистоту формы. На поверку они оказываются либо поводами для поиска трансцендентальных принципов, либо примерами, ориентированными на определенный тип читателей и политических субъектов. Но определение места принципов публичности в Кантовой системе права, их строгое позиционирование — также непростая задача, которая добавляет новые вопросы об их допустимом и желательном применении. Явным образом принципы изложены в трактате о вечном мире, однако мы показываем, что, несмотря на распространенное мнение, дальнейшие пояснения и примеры можно найти и в более поздних сочинениях. В заключение рассматривается умеренный вариант интерпретации, позволяющий согласовать принципы публичности как (мета)принципы правотворчества и правоприменения с ядром Кантовой системы права и морали. В результате снимается вопрос о прямой эффективности этих принципов, а провозглашение формального характера «учения о счастье» устраняет подозрения в имплицитно апостериорном и эмпирическом характере критериев, заявленных как формальные и априорные.

Ключевые слова: публичное право, политика, гласность, мораль, справедливость максим, трансцендентальное и эмпирическое, априорные принципы, счастье, форма и материя закона, правоприменение.

¹ Исследование выполняется в рамках совместной программы Министерства образования и науки РФ и DAAD «Иммануил Кант» (госзадание 3682).

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 30.09.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-3

© Зильбер А. С., 2016

I

Тему политической публичности Кант затронул в целом ряде публикаций, начиная с трактата о просвещении (1784) и заканчивая «Спором факультетов» (1798). Более всего известен его тезис о необходимости «публичного использования разума» в публичной печати, к которому должен стремиться каждый, кто является специалистом в своей области деятельности, в свободное от выполнения служебных обязанностей время. Это тема публичности «снизу». «К вечному миру» и «Спор факультетов» раскрывают тему публичности «сверху», в пределах политики и государственной идеологии. Насколько связаны друг с другом эти два аспекта?²

Представив в первых разделах трактата «К вечному миру» свой политико-правовой проект, а также «гарантию» и дополнительные условия его осуществления, Кант перешел в «приложениях» к изложению препятствий, на которые следует обратить внимание. В обеих частях этого раздела, написанных в форме эссе, автор высказывает ряд глубоких сомнений в возможности воплощения своего замысла³. Наконец, описав всевозможные препятствия, он указал средство, которое все же позволяет согласовать между собой принципы политики и философского учения о праве (AA, VIII, S. 381)⁴. Это «трансцендентальное понятие публичного права». Разъясняется оно, однако, не само по себе, а через изложение «трансцендентальных формул» публичного права:

– намерения (максимы), которые требуется огласить, чтобы реализовать, – согласуются и с правом, и с политикой (*положительный принцип*, AA, VIII, S. 386);

– намерения (максимы), которые боятся разглашения, – несправедливы (*негативный принцип*, AA, VIII, S. 381).

Речь идет о максимах, «относящихся к праву других людей», а не о самих законах, которые, согласно определению публичного права⁵, нуждаются в обнародовании для того, чтобы создать правовое состояние – и власть заботится об их обнародовании с целью их соблюдения, безотносительно к справедливости. Напомним, что максима – это «правило действующего лица, которое оно по субъективным соображениям делает для самого себя принципом» (AA, VI, S. 219). Оба принципа, по словам Канта, «трансцендентальны», поскольку сохраняют форму всеобщей законосообразности и независимость от эмпирических условий (AA, VIII, S. 381). Они к тому же дают «a priori присущий разуму критерий» для определения справедливости: достаточно мысленного эксперимента. Скрыть максиму хочется из

² К ответу на этот вопрос см. (Круглов, 2014); к постановке вопроса см. также (Зильбер, 2014).

³ При этом его собственные сомнения – не что иное, как тщательный разбор хорошо известных ему сомнений политиков и философов.

⁴ В целях улучшения читаемости текста опущены ссылки на сквозные номера страниц в двуязычном издании сочинений Канта на немецком и русском языках. Для сочинений, имеющих в этом издании (см. список литературы), указаны номера страниц в Akademie-Ausgabe, поскольку они приводятся там наряду со сквозной нумерацией. Напомним, что «КЧР» (2-е изд.) издана в «AA» в III томе, «КПП» и «КСС» в V, «Метафизика нравов» в VI, «Антропология» и «Спор факультетов» в VII, статьи «после 1781 г.» – в VIII томе.

⁵ Кант, 2014, § 43; AA, VI, S. 311.

страха перед «необходимым и всеобщим» противодействием — значит, она угрожает каждому несправедливостью, такой же необходимой и всеобщей. Позволим себе сразу усомниться в применимости такого априорного критерия. Ведь мысленный эксперимент проводят люди, живущие в конкретной эпохе. Учет исторических реалий, будь то XVIII или XXI век, сулит нам столь любимую Кантом «увеселительную прогулку», которую мы и предпримем, прежде чем перейти к более взвешенному анализу. Начнем с того, что

... в Пруссии последних десятилетий XVIII века, то есть в стране под властью абсолютного монарха, пользующегося советами просвещенной бюрократии в лице государственных служащих, которые, как и монарх, были полностью отделены от «подданных», не могло быть по-настоящему публичной сферы, кроме этой читающей и пишущей публики. Что было тайным и недостижимым по определению, так это именно сфера власти и управления (Арендт, 2011, с. 107).

Читающая публика высказывает свое мнение в печатных СМИ — власть систематически знакомится с этим мнением, проводя цензуру. Сила этого мнения, в том числе голос философов, которые отмечены особо, — это главная надежда Канта. Тому, кто «обладает неодолимой верховной властью... нечего опасаться повредить собственной цели обнаружением своей максимы»⁶ — тем самым ограничивается действие «негативного» принципа публичности, и Кант сам указал на это (AA, VIII, S. 382f.).

Активной стороной, чьи намерения основаны на каких-либо принципах, может выступать не только политик, но и народ — в таком случае «публикой» становятся представители власти. В качестве примера Кант привел «намерение при случае восстать» (AA, VIII, S. 382). Оно несправедливо уже потому, что угрожает анархией⁷, ну а критерий публичности эту несправедливость подтверждает: такое намерение приходится в большей или меньшей степени держать втайне от властей. Это аргумент в пользу реформ. Ну а чтобы упомянутые Кантом «деспотически действующие моралисты»⁸ со своей стороны не проводили реформы и не насаждали республиканский строй «слишком поспешно и насильственно»⁹, нам пригодится, в качестве противовеса, опять же отклик публики, — добавляют со-

⁶ «Это и должно быть признано в каждом гражданском устройстве, потому что тот, кто не имеет достаточно власти, чтобы защитить каждого из подданных от другого, не имеет также права и повелевать ему» (AA, VIII, S. 382f.). Интерпретаторы продолжают эту мысль на международном уровне: вполне можно представить, что никто не сможет сорвать замысел сверхдержавы по завоеванию мира (государств одного за другим — Klemme, 1992, S. XXX).

⁷ Хотя в конце концов этот аргумент стал для Канта важнейшим, в данном месте он утверждал, что «можно привести много доводов за и против», — и на тот момент, возможно, еще не устоялась даже его собственная позиция по этому вопросу, поскольку «догматическая дедукция юридических оснований» в его философской системе еще не была проведена в полном объеме. Кант позиционировал свой ответ на вопрос о восстании как дедуктивно выведенную альтернативу «бессистемным» решениям, предложенным теоретиками естественного права, которых он не называет в данном месте, но критически упоминает в «первом приложении»: Гроций, Пуфендорф, Ваттель, Вольф; см. (Laurson, 1986). По мнению Дж. Лаурсена, решение Канта оказывается гуманнее и, действительно, основано на едином принципе.

⁸ AA, VIII, S. 373.

⁹ AA, VIII, S. 378.

временные интерпретаторы (Eberl, Niesen, 2011, S. 299f.). И очень сдержанное звучание приобретают на фоне этих практических положений пламенные строки Э. Соловьёва (2011):

Вот это понятие «правовое товарищество», удивительное для XVIII века, Кант в трактате прилагает... к добровольным гражданским объединениям — к тому, что мы сейчас называем институтами гражданского общества. <...> Развитое правосознание — это такое правосознание, когда человек с нравственным усилием отстаивает правовую норму... Уже в лекциях 1780—1781 гг. это представление развертывалось у него в такую любопытную мысль: настоящее следование праву, настоящая борьба за право — это всегда уважение к чужому праву. В субъекте развитого правосознания чужое право идет впереди его собственного. Он борется за свое право лишь в том случае, если оно может быть также чужим и общепризнанным¹⁰.

На уровне межгосударственных отношений Кант доказывает действенность негативного принципа публичности в мысленном эксперименте на примерах трех максим: *нарушения договора, предупреждающего нападения и аннексии*¹¹ (AA, VIII, S. 383f.). В естественном состоянии приведенные доводы едва ли убедительны — более того, согласно учению о праве (§ 56), существует, к примеру, «превентивное» «право на войну» как применение силы в ответ на нарушение «равновесия» и на «ущерб», разновидностью которого является «внушающее страх возрастание (благодаря завоеваниям) могущества». Строгое соблюдение, да и само учреждение международного права, полагал Кант, возможно только в юридически оформленной миротворческой ассоциации государств (*foedus pacificum*), имеющей «целью не завоевание власти для какого-либо государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств» (AA, VIII, S. 356; AA, VI, S. 350f.). В качестве примера он привел собрание Генеральных штатов в Гааге (AA, VI, S. 350). Оно, безусловно, симпатично Канту уже тем, что было высшим представительным органом власти федеративного союза республик, но еще более — «ввиду центрального положения Гааги в европейской дипломатии XVIII столетия» (Eberl, Niesen, 2011, S. 371). Подобная оценка ничуть не бесспорна, особенно в связи с Генеральными штатами. Их роль была не так уж велика и сыграна, хотя и неоднократно и не только *post factum*¹², вовсе не на

¹⁰ При этом автор делает оговорку: «Я сильно преувеличил бы политологические заслуги Канта, если бы стал утверждать, что он первым обрисовал тему гражданского общества, его простейших ячеек и базисных институтов. Подлинными ее первооткрывателями надо признать американских просветителей. Нет, данная тема в трактате Канта еще едва брезжит, едва угадывается задним числом в рассуждениях о гласности, публичной дискуссии и республиканской общественности» (Соловьёв, 2011).

¹¹ В именовании этих максим мы следуем комментарию О. Эберла и П. Низена (Eberl, Niesen, 2011, S. 299).

¹² Тридцать первого марта 1710 года состоялся так называемый Гаагский концерт (соглашение) между Австрией, Англией и Голландией, в котором была достигнута договоренность о нейтралитете Северной Германии в войне со Швецией. В 1712 году Генеральные штаты вместе с Англией выступили посредником в тяжбе императора Карла VI с принцем Е. Савойским. В 1713 году Утрехтский мир стал предварительным итогом войны за Испанское наследство. Шестнадцатого мая 1795 года в Гааге был заключен мир между Францией и новообразованной Батавской республикой (Eberl, Niesen, 2011, S. 371).

систематической основе, что важно для институционального ядра кантовского проекта. Эта роль досталась Гааге во многом ввиду политического авторитета и экономического веса Нидерландов, которые были завоеваны Генеральными штатами в XVII веке, а в течение века XVIII были постепенно утрачены¹³. Но именно потому, что авторитет и влияние занимают неизменно важное место в политической иерархии ценностей¹⁴, кантовское преувеличенное описание политического значения Генеральных штатов, пожалуй, является очень подходящим аргументом для обращения к политикам его времени с целью изменить их убеждения. На этом собрании

министры большинства европейских дворов и даже самых маленьких республик жаловались на враждебные выпады со стороны других [участников собрания]; тем самым они мыслили себе Европу как единое федеративное государство, которое они рассматривали как бы в качестве третейского судьи в этих их публичных спорах (AA, VI, S. 350).

Кант видит в этом подобие одного из главных столпов своего мирного проекта — «постоянного конгресса государств», а конгресс — это действительно место обсуждений, довольно-таки открытых и основательных. Эти обсуждения смягчают недоверие сторон друг к другу — недоверие, которое ведет к гонке вооружений и к войнам¹⁵. Оно вызвано сомнениями в подлинных намерениях друг друга, недостатком информации для точного прогноза и выбора мер по обеспечению своей безопасности — в современной философии международных отношений эта проблема называется «дилемма безопасности» (выбор между сотрудничеством, соперничеством и конфронтацией — ср.: (Саликов, 2013)).

Справедливость, как утверждает Кант, «может мыслиться только в качестве *публично объявляемой*» (AA, VIII, S. 381) — требует ли «положительный» принцип действительно осуществлять это объявление? — Он вовсе не обещает нам, что все справедливые принципы будут поддержаны публикой.

Очевидно, что не все действия, основанные на справедливых максимах, направлены на обеспечение счастья всех людей, поэтому не все они получают универсальное одобрение. Но если как несправедливые, так и некоторые справедливые максимы не смогут пройти сильный тест, значит, он не может служить эффективным ориентиром в государственной политике (Eberl, Niesen, 2011, S. 301).

¹³ Форма правления Нидерландов была неустойчивой и смешанной, сохранились остатки унитарной монархической системы, ее приверженцы конфронтировали с республиканскими силами и в итоге, то есть в середине XVIII века, одержали верх (Вильгельм IV Оранский).

¹⁴ О. Хидальго пишет о характере принципов публичности: «Как и в государственном праве, в основе этого аргумента лежит представление о том, что и международное право основывается... не на власти и силе, а, скорее, на добровольном соглашении участвующих субъектов» (Hidalgo, 2011, S. 162). В одном из вариантов интерпретации построение доверия выделяется в целый отдельный третий принцип публичности, сформулированный якобы неявным образом, но явно самостоятельный (García-Marza, 2012). В негативном принципе автор при этом видит требование открытости политики, а в положительном — требование поиска общественного согласия.

¹⁵ «Уже в предварительных статьях трактата о мире... Кант не столько выступает напрямую против допустимости превентивного нападения, сколько констатирует, что государства „вынуждаются“ к ним» по определенным причинам (Eberl, Niesen, 2011, S. 302).

По поводу первого из этих умозаключений следует заметить, что «требуемая эмпирического разглашения» — это максима не просто справедливая, но такая, которая требует коллективных осознанных усилий для реализации (себя самой либо диктуемого ею действия). В общем случае, конечно, не ответить на вопрос, придется ли она по вкусу публике, и способна ли выдержать конкуренцию в процессе обсуждения (Ceballes, 2011, р. 65, 80–82). Не менее важно, если взглянуть на положительный принцип с точки зрения процесса принятия решений, чтобы одна из множества справедливых максим, подходящих для некоей ситуации, пришлось по вкусу в первую очередь самому политику, который уже затем решится ее озвучить. Эту область затрагивает второе умозаключение из приведенной выше цитаты.

Особую тревогу вызывает то, что обнародование морально допустимой максимы может и повредить делу. Так, современные интерпретаторы находят по-прежнему актуальным случай «монархии против демократизации», то есть, говоря абстрактно, объединение определенных кругов субъектов международного права с целью противостоять тому, что противоречит их интересам (Ebel, Niesen, 2011, S. 298). Выходит, что в монархическом окружении демократизацию лучше проводить несколько скрытно, без лишних деклараций своих далеко идущих планов. Однако, — продолжают комментаторы, — нельзя забывать, что принципы публичности сформулированы для правового состояния международных отношений. И оно якобы решает проблему: «Соответствует основам публичного международного права только та максима, которая выдержит обнародование перед лицом *любого* государства» (Eberl, Niesen, 2011, S. 304). Расширение круга субъектов на все государства действительно делает эмпирический тест более надежным, однако принципиально такое решение неубедительно, поскольку подобная генерализация имеет тенденцию перенести тест из области эмпирической в область мысленного эксперимента, а на процедурном уровне затрагивает трудные проблемы права вето и т. п.

Всё это склоняет к выводу, что сферы публичности и справедливости пересекаются, не совпадая; и не только потому, что «материальным» принципам, к примеру «обеспечению «счастья и благоденствия»... можно служить и втайне» (Eberl, Niesen, 2011, S. 294). Интеллектуальный потенциал конкретных людей ограничен и его не всегда достаточно для оценки принципов и намерений (Davis, 1992). Эмпирические субъекты зачастую ставят индивидуальные и групповые интересы или ценности выше общечеловеческих. По этой причине проблема противостояния политических режимов сохраняется в рамках ООН¹⁶. По той же причине легко находят

¹⁶ По поводу «правового состояния» стоит заметить, что в проекте кантовского «договора о мире» многие «предварительные» статьи оказалось выполнить гораздо труднее, чем статьи «окончательные». В связи с этим представляет интерес недавнее предложение (Eberl, Niesen, 2011, S. 204) выделять помимо естественного состояния (где право на войну безгранично) и правового состояния (где права на войну нет) еще «переходное» состояние, в котором право на войну *ограничено* — и регулируется это состояние требованиями именно «предварительных» статей трактата «К вечному миру». В «Метафизике нравов» это состояние не описано, однако, по мнению интерпретаторов, для него вполне находится место. Трудности применения права на самооборону описаны в статье (Брок, 2013).

поддержку несправедливые популистские лозунги¹⁷. Большинство интерпретаторов, так или иначе, сходятся в том, что нельзя целиком полагаться ни на народ, ни на элиту: противостояние несправедливости в реальности далеко не «необходимое и всеобщее»¹⁸. В строгом смысле кантовским критериям соответствуют в роли «публики» только абстрактные рациональные субъекты, «граждане мира», носители чистого правового сознания, для которых главным и единственным интересом является право человечества вообще (Davis, 1992, p. 180f.). К счастью, полная гласность и открытость политики, по мнению современных интерпретаторов, не требуются, так что мысленный эксперимент и реальное обнаружение и обсуждение принципов дополняют друг друга¹⁹.

На какую же публику обычно ориентируются политики? На этот вопрос Кант пролил некоторый свет в обосновании положительного принципа публичного права (AA, VIII, S. 386). Если принципы нуждаются в разглашении, то устраняется недоверие к ним, они соответствуют «праву публики», они делают ее довольной своим состоянием. Это довольство названо счастьем (Glückseligkeit), публика стремится к нему, и соответствовать этому стремлению — «истинная задача политики». Впрочем, с оговоркой, что «учение о счастье» — это материя закона, эмпирические условия, которые можно устранить, ведь главное форма. Доверие означает «соединение целей всех», возможное «только в праве», — подразумевается общая воля, абстракция от конкретных способов поиска счастья, которые содержатся в простой сумме «всех особых и частных волей» (AA, VIII, S. 296).

Действительно ли «политика получает свою задачу от природы человека, которая сама себя схватывает и определяет»? (Gerhardt, 1995, S. 210) Пообещав продолжить изложение и разъяснение «положительного» принципа публичного права, Кант забыл или сознательно не пожелал этого сделать напрямую, известны лишь некоторые отголоски — хотелось бы осветить наиболее интересный среди них, который был до сих пор обойден

¹⁷ «В любом тоталитарном государстве любая политическая максима „совместима“ с гласностью; более того: гласность политических максим — вспомним о расовой сегрегации — даже может стоять на службе у несправедливости. Известность подобной максимы является условием ее политической реализации», — и на этом основании делается вывод о том, что «в мысленном эксперименте следует вставать на позицию любого другого» (Blesenkemper, 1987, S. 344f.). См. также (Davis, 1991, p. 414).

¹⁸ Ф. Герхардт полагает, что чем выше степень оправдания внутренней и внешней политики государства, тем больше чувствительность к противоречию между внешними заявлениями, жестами, и скрытыми подлинными намерениями. Но для усмотрения этого противоречия нужны самосознание и рефлексия (Gerhardt, 1995, S. 186ff.).

¹⁹ «Слово „публичность“ в принципе публичности означает соответствие максимы категорическому императиву и принципу публичности, а не разглашение само по себе. <...> Принцип публичности — формальный критерий... Основное внимание следует обратить на главную причину принятия или отклонения предложенной максимы в рамках сферы политики, а не на то, примут люди или отклонят конкретную предложенную им максиму. <...> Можно легко представить ситуации, в которых ради достижения некоторой цели требуются секретность или осторожность. <...> В этих примерах ничуть не усматривается безусловное нарушение ни прав, ни морального...» и т.д. (Ceballes, 2007, p. 63). «Если умалчивают, желая применить нелегитимные средства для высокой цели... такое намерение понять можно» (Hidalgo, 2012, p. 164).

вниманием²⁰. Тему счастья народа в связи с темой власти мы встречаем в «Споре факультетов». Подробно и обстоятельно, хотя и с большой долей иронии, описан существующий порядок отношений между правительством, факультетами университета²¹ и народом. Правительство, прежде всего с помощью высших факультетов, но и с учетом советов низшего факультета, осуществляет свою власть и оказывает влияние на народ. Народ «состоит из невежд (Idioten) (как обращается к мирянам духовенство)» (Кант, 1999, с. 48) и видит свое благополучие не в свободе, а в блаженстве после смерти, в гарантии своей собственности и в физическом наслаждении жизнью (Кант, 1999, с. 74) — все это объединяется в понятии «счастье» (Heil). Высшие факультеты борются за свой авторитет в вопросах удовлетворения этих запросов, правительство в своих интересах охотно становится на их сторону (там же, с. 50, 78, 84). Народ не желает внимать учению философского факультета о свободе, но желает, несмотря на свою «нечестивую» жизнь, пользоваться для спасения услугами «искусников», то есть представителей высших факультетов (там же, с. 64, 76). Философский факультет в этой ситуации должен бороться за свое влияние на правительство (вопрос о войне и мире — Кант, 1999, с. 220) и вести полемику внутри университета, о которой «народ практически ничего не знает... так как народ скромно полагает, что умствование не его дело» (там же, с. 72). Терминологические отличия едва ли перечеркивают близость содержания текстов: вместо «Glückseligkeit» употребляется «Heil»²² («счастье» как беззаботность в той или иной форме), а вместо «Publikum» («общество») — Volk («народ»). Благодаря «Спору факультетов» становится понятно, о каком именно «счастье» идет речь²³ и что правительство действительно учитывает представления общества (народа, публики) о счастье.

²⁰ Кевин Дэвис (Davis, 1992), по результатам внимательного изучения прежде всего именно «Спора факультетов», претендует на первое полное описание всех вариантов значения понятия «публика» в сочинениях Канта (как явно, так и по функции, то есть по упоминанию возможных публичных дискуссий). Он насчитывает шесть значений этого термина, четыре из которых подразумевают эмпирическую публику (SF, S. 48): 1) читающая публика (Litteraten или Studirte); 2) ученое сообщество (в том числе вольные непрофессиональные ученые, *zunffreie Gelehrte*); 3) философ; 4) люди вообще; 5) абстрактные субъекты (ideal public)²⁰, стремящиеся к добродетели; 6) абстрактные субъекты, стремящиеся к справедливости. На основе портрета эмпирической публики Дэвис развивает чисто априористскую трактовку принципов публичности (прежде всего негативного), не беря при этом во внимание ориентацию этой эмпирической публики на определенное «счастье», которая представляет интерес в связи с обоснованием «положительного» принципа публичности.

²¹ Уже в трактате «К вечному миру» («Тайная статья») положение юридического факультета объявлено «на самом деле низшим», и его претензии на высшее положение подвергнуты критике, в которой затрагиваются убеждения юристов как представителей власти (AA, VIII, S. S. 369).

²² В «Метафизических началах учения о праве» понятия «Glückseligkeit» и «Heil» противопоставляются друг другу, но в ином значении: «В объединении этих трех видов власти заключается *благо* (Heil) государства... под благом государства подразумевается не *благополучие* (Wohl) граждан и не их *счастье* (Glückseligkeit)...» (AA, VI, 318).

²³ Хотя имеются в виду не только ориентиры самого народа, но и, в меньшей степени, представления правительства и высших факультетов о его ориентирах. Тем не менее в свете изложенного трудно согласиться с идеализированной трактовкой кантовского учения о публичности Ю. Хабермасом (1996, с. 292–293), в которой это

Побуждение к ориентации на общественное мнение основано отнюдь не только на потрете реально существующей, современной Канту эмпирической публики в виде народа, ученых и правительства. Это побуждение исходит из основополагающих принципов Кантовой теории познания и философии человека вообще. Каждый человек считает нужным скрывать значительную часть своих мыслей, то есть проявлять осторожность и не показывать полностью, каков он есть, — значит, заключает Кант, люди склонны питать неприязнь друг к другу (Кант, 1994а, с. 374–375; АА, VII, S. 332). Представим, — продолжает он, — что существуют разумные существа, способные мыслить только вслух, и каждую свою мысль они высказывают. Чтобы такие существа могли уживаться и ладить друг с другом — они должны обладать «ангельской чистотой».

Чужие мысли люди при этом стремятся выведать. А в естественном стремлении поделиться ими, получить отклик Кант, как свидетельствуют конспекты его лекций, разглядел основание для неклассического «публичного» критерия истины, инструментом которого выступает «общечеловеческий разум», предотвращающий всеобщее заблуждение (Хинске, 2007, с. 109–112). Проверять истинность своих суждений, вынося их на суд других людей, даже при уверенности в своей правоте, — это наша, то есть в том числе политиков, моральная обязанность (там же, с. 116–118). Конечно, критерий не очень надежный, на чужое мнение нельзя слепо полагаться, но также неправильно полностью закрыться от него (там же, с. 101). Обычно человеку небезразлично, что говорят о нем другие, — и это правильно. Того, кто считает ненужным проверять свое суждение рассудком других, Кант назвал «логическим эгоистом» (аналогично эстетическому и моральному эгоисту — там же, с. 104). Когда специалисты высказывают свое мнение по какому либо вопросу в открытой печати — это особенно ценно тем, что печатные издания доступны неограниченному кругу читателей и дают возможность получить отклик не только от своих коллег, но и от людей с иными базовыми убеждениями и способами суждений (там же, с. 119). Таким образом, в «положительном» принципе пересекаются темы публичности «сверху» (политика) и «снизу» (просвещение).

Третье антропологическое основание для обсуждаемых принципов Кант видит в том, что «в человеке еще имеются значительные, хотя временами и дремлющие, моральные задатки того, чтобы справиться когда-нибудь со злым принципом в себе и чтобы ждать того же от других». И в международных отношениях эти задатки проявляются в том, что ни одно государство не отважилось публично провозгласить свое намерение изгнать слово *право* из военной политики как педантское (АА, VIII, S. 355).

учение предстает одновременно устаревшим и пророческим: «Кант, естественно, еще имел в виду прозрачность обозримой общественности, возникшей под влиянием литературы, вменяемой к аргументам, которая поддерживалась сравнительно узким слоем образованных граждан. Он не мог предвидеть структурную трансформацию этой общественности в общественность, которой овладели средства массовой информации, в общественность, забитую картинками и виртуальными реальностями, семантически дегенерировавшую. Он не мог подозревать, что эта среда «говорящего» просвещения получит функцию как бессловесной индоктринации, так и обмана при помощи языка. Вероятно, этим занавесом неведения объясняется смелость, с которой Кант задолго, но, как сегодня выясняется, проницательно предугадывает возникновение всемирной общественности. Ибо последняя вырисовывается только теперь, как следствие глобальной коммуникации» (ср. Хабермас, 2008, с. 99, 132 со ссылкой на: *Brunkhorst H. Globalizing Democracy without a State // Millennium. Journal of International Studies. Vol. 31, № 3. 2002. P. 675–690.*)

II

С одной стороны, публичное право появилось вместе с государственным. С другой стороны, ведущее к вечному миру «состояние публичного права» остается идеалом и ориентиром (как и вся регулятивная идея вечного мира²⁴). А состояние это, надо полагать, мыслилось Кантом как такое, в котором максимы политиков согласованы с принципами права и отвечают критериям публичности (Blesenkemper, 1987, S. 354f.). Поэтому нас не должны смущать упомянутые выше исторические основания и побудительные мотивы для формулирования этого принципа. Регулятивный принцип не теряет свою нормативную ценность перед лицом наличных условий, которые снижают его эффективность²⁵, а таких условий для принципов публичности мы перечислили уже предостаточно. «Правовое состояние» на уровне государственном и международном — требуется, но не является панацеей. Даже от «пишущей», «ученой» публики не стоит ожидать желания и способности бороться за права человечества вообще. Требуется воплощать принципы чистого права с оглядкой на общественное мнение — но во многом приходится (а не только выгодно) и потакать ему. Наконец, голос общечеловеческого разума, воплощенный в откликах конкретных людей, также требуется проверять.

Остаются ли принципы публичности с учетом указанных ограничений «трансцендентальными», то есть сохраняющими форму всеобщей законосообразности и независимость от эмпирических условий? По словам Канта, «злонамеренность человеческой природы, делающая необходимым принуждение», — а эта злонамеренность «содержится в понятии права государственного гражданства и международного права» — образует, так же как и «учение о счастье», лишь эмпирическое содержание понятий и принципов (AA, VIII, S. 381, 386). Почему же мы встречаем принципы публичности в правовом контексте в первый и последний раз в трактате «К вечному миру» и не встречаем их в «Метафизических началах учения о праве»? Весьма вероятно, что уже изначально, в трактате о мире, их роль не столько систематическая, сколько аргументативная: главной целью их изложения является убеждение адресата аргументации (политика и юриста), влияние на процесс принятия им решений²⁶. Ведь в целом трактат «К вечному миру», хотя это и приложение (контуров будущей)²⁷ системы права к политике, является еще только декларацией, а не действительным «договором» и прямым руководством к конкретным действиям.

²⁴ На случай сомнений в статусе этой идеи ссылаемся на последние страницы «Антропологии» (Кант, 1994а, с. 374; AA, VII, S. 331).

²⁵ «В этом случае причина малой пригодности теории для практики заключалась бы не в самой теории, а в том, что здесь было *недостаточно* теории» (AA, VIII, S. 275).

²⁶ Так, согласно примеру 2(b) к негативному принципу, политик в процессе мысленного эксперимента должен отвергнуть максимум пробабализма (упреждающего нападения) из опасения в том числе перед принципом «разделяй и властвуй» (AA, VIII, S. 385).

²⁷ «Метафизика нравов», где впервые строго определено понятие категорического императива права, появилась двумя годами позже трактата о мире, поэтому вполне уместно «ставить вопрос о развитии учения об императиве права», принимая во внимание «тот факт, что Кант начал читать лекции по естественному праву и общей теории права с 1767 года и до 1788-го прочитал эти курсы 12 раз» (Калинников, 2005, с. 78).

Быть может, принципы публичности не удалось последовательно внедрить в систему права? Требовалось ли это? Сформулировав «негативный» принцип, Кант отмечает, что этот принцип не только этический, но и юридический (АА, VIII, S. 381). Нет ли в этом противоречия? Детальное различие в «Метафизике нравов» проведено для этического и юридического законодательства (АА, VI, S. 214, 218): юридическое допускает различные мотивы сообразных с долгом поступков и особенно тяготеет к мотиву принуждения, этическое допускает в качестве мотива только долг.

Особенности международного права таковы, что связь права с моралью здесь еще полнее, чем в других правовых областях. Например, субъектов международного права характеризуют отношения равенства, подобно морали, оно (международное право) касается всего человечества, есть общее и в механизмах санкционирования (Калинников, 2005, с. 79).

На этическом уровне принципы публичности остаются «трансцендентальными», по крайней мере, в Кантовой антропологии этому нет препятствий. Ограничения, описанные нами выше, все относятся к уровню юридическому. По всей видимости, юридический, «касающийся права людей», — это еще не значит собственно «правовой» и относится скорее к принципам правоприменения (АА, VI, S. 214). Различение законов и принципов функционально крайне необходимо для такой развернутой системы права, как кантовская.

До сих пор мы сомневались в том, стоит ли ожидать от критериев публичности чего-то большего, чем только мысленный эксперимент. Но в главном труде Канта по философии права имеется прямое указание властям ориентироваться на мнение публики в законодательной деятельности: согласно принципам чистого права, недопустима такая корпорация или такое сословие, которые будут бесконечно владеть землей, передавая ее по наследству (АА, VI, S. 324f.). Рыцарские и церковные владения должны быть без колебаний изъяты с предоставлением компенсации актуальному собственнику, если общественное мнение больше не видит пользы в военных почестях и в институте церкви: «Основание для прежнего владения заключалось лишь во *мнении народном* и должно быть действительным лишь пока это мнение существует». О правовом значении общественного мнения свидетельствует также раздел «О праве наказания и помилования»: разъяснения по смертной казни (там же, S. 334) и в особенности — по вопросу об офицерских дуэлях и об умерщвлении внебрачных детей (там же, S. 336ff.). Более ранний пример мы встречаем в первом разделе трактата «К вечному миру» (АА, VIII, S. 347): речь идет о владении, «которое хотя и не имеет требуемого правового основания, однако в свое время (как приобретение на основе обычного права) признавалось всеми государствами правомерным, честным приобретением — согласно тогдашнему общественному мнению». Таким образом Кант связал политическую роль публичности, в эмпирическом смысле «положительного» принципа, с одним из базовых понятий своей теории права — «дозволяющим законом».

В самом начале «Метафизики нравов» автор объясняет, что

понятие права — это чистое, пусть и нацеленное на практику понятие (на применение к случаям, встречающимся в опыте). <...> ...в отношении указанных случаев применения можно ожидать лишь приближения к системе, но не самой

системы. <...> ...право вообще, принадлежащее к a priori начертанной системе, мы вводим в текст, отдельные же права, относящиеся к отдельным случаям опыта, мы даем в примечаниях... ибо иначе нельзя было бы верно отличить то, что является здесь метафизикой, от того, что составляет эмпирическую правовую практику (AA, VI, S. 205f.).

Ограничение права сословий на владение землей, хотя и является следствием из общего принципа государственной собственности, изложено в основном тексте, а не в примечании. Условия изменений общественного мнения – эмпирические, сам же принцип опоры на общественное мнение остается, по всей видимости, «трансцендентальным».

Пора, наконец, задаться вопросом, насколько оправданно называть таким образом принципы, которые отвлекаются от конкретных индивидуальных представлений о счастье. Разве было недостаточно говорить об «априорном» или «метафизическом»? Трансцендентальным в системе Канта называется познание возможности применения априорного к опыту (Eisler, 1984, S. 538) – в данном случае речь как раз идет о регулятивах практического применения априорных принципов права. В сочинении «Об одном открытии... (против Эберхарда)» (1790) «трансцендентальный» принцип определяется как «материальный», но означает это всего лишь то, что он «должен сообщить нечто a priori относительно объектов и их возможности, следовательно, не так, как это делают логические принципы (совершенно абстрагируясь от всего, что относится к возможности объекта), имея дело лишь с формальными условиями суждений» (Кант, 2009, с. 46; AA, VIII, S. 194). В «Критике способности суждения» трансцендентальные принципы противопоставляются метафизическим²⁸ (AA, V, S. 181f.) – и, согласно этому сравнению, формулы публичности следует отнести скорее к «метафизическим» (Sassenbach, 1992, S. 71; ср.: AA, III, S. 45)²⁹.

Общеизвестная позиция Канта состоит в том, что эмпирически измеряемое «благополучие народа» (AA, VIII, S. 306) не должно служить высшим принципом государственного устройства, поскольку оно, во-первых, не-объективно, каждый человек представляет его себе по личным склонностям и каждая эпоха имеет свое преходящее представление о нем, а во-вторых,

правление, которое зиждилось бы на принципе благоволения народу, подобном благоволению отца своим детям, иначе говоря, *правление отеческое*... при котором подданные, как несовершеннолетние дети, неспособные различать, что для них на деле полезно, а что вредно, принуждены оставаться сугубо пассив-

²⁸ «Метафизическим же называется принцип, если он a priori представляет условие, единственно при котором объекты, понятие которых должно быть дано эмпирически, могут быть далее определены a priori».

²⁹ «...Хотя высшие основоположения моральности и основные понятия ее суть познания a priori, тем не менее они не входят в трансцендентальную философию. Ибо они, правда, не закладывают в основание своих предписаний понятия удовольствия и неудовольствия, влечений и склонностей и т. п., которые все имеют эмпирическое происхождение, но все же должны с необходимостью принимать их в расчет при создании системы чистой нравственности, [включая их] в понятие долга – или как препятствия, требующие преодоления, или как приманки, которые не следует превращать в побудительные мотивы» (В 29). «...Метафизика нравов не может основываться на антропологии» (AA, VI, S. 217) – таков краткий ответ Канта на нашу попытку, пользуясь подготовительным характером трактата о вечном мире, искать помимо гносеологических антропологические основания (а не только поводы) трансцендентальных принципов публичного права.

ными, ожидая от главы государства суждение о том, как им *надлежит* быть счастливыми, и предоставляя это суждение его милостивому соизволению, — такое правление есть величайший *деспотизм*, какой только можно себе представить (такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав)... (AA, VIII, S. 290, пер. цит. по: Круглов, 2014б, с. 45).

Высшая добродетель политика — справедливость (Соловьёв, 2005, с. 212–213), политика должна обеспечить только *условия* для того, чтобы каждый мог стремиться к тому счастью, которого он себе желает (Ceballes, 2007, p. 71, 73). По мнению Клауса Дирксмайера, эта формулировка обозначает *формальную* теорию счастья (Dierksmeier, 2009, S. 50f.). В то время как содержательно разнородное и собирательное *материальное* «учение о счастье» следует отделять от «трансцендентальной формулы», учение *формальное* можно всецело включить в нее без противоречий, поскольку оно не угрожает свободе и индивидуальному целеполаганию. Стремление к личному счастью оправдано, если только не используются аморальные средства.

Право, согласно Канту, должно идти впереди пользы, но не бороться с ней; легальность и справедливость важнее выгоды или благоденствия, но вовсе не направлены против них, — напоминает нам Дирксмайер (S. 53). И продолжает: ориентация на счастье при выборе политических максим не противоречит чистому долгу; практический разум автономен, но не автаркичен. Формальным критерием публичности Кант задает политике нормативный масштаб, не пытаясь определить раз и навсегда, как ее конкретно следует проводить. В результате один и тот же механизм оказывается в основе и нормативного прогресса в политике, и ее эмпирических успехов. При этом индивидуальное своеобразие не оттесняется ради чего-то всеобщего, назначенного сверху, а встраивается в социальное, во имя «благоприятного счастья» всех (Кант, 1994а, с. 314; AA, VII, S. 277).

Этот «формализм» Кантовой философии обеспечивает ее удивительно современное звучание и актуальность (Dierksmeier, 2009, S. 54). К примеру, государство должно стремиться оптимизировать социальную инфраструктуру для реализации индивидуальных целей: сегодня условия достижения благоденствия мыслятся, прежде всего, в виде транспортных и информационных сетей (там же, S. 51). Сам Кант приводит пример такой активности, к которой граждан, не принуждая, можно побудить стимулирующими мерами: «например, если государь устанавливает вознаграждение за разведение гусениц шелкопряда, выращивание шелковицы, или что-либо иное» (AA, XXVII, S. 548). В политике как нравственная мотивация, так и преследование личных долгосрочных интересов могут и должны стимулироваться материальным вознаграждением (выгода в свете идеи высшего блага, выгода в общественно-приемлемой форме). В основе этой идеи лежит дифференциация понятия *praemia auctorantia*, представленная Кантом уже в ранних лекциях по философии морали (Menzer, 1924, S. 64f.). Эта стратегия не выводится ни аналитически из понятия права, ни как обобщение частных интересов граждан — а состоит она в том, чтобы «учитывать, какие асимметрии граждане полагают несправедливыми, и на основе каких идеалов возможна формулировка приемлемых альтернатив» (с этими словами Дирксмайер ссылается на Habermas, 1962, S. 190).

Конечной целью политического развития в этой интерпретации назван моральный мир — тот самый интеллигентный мир, который в «Критике чистого разума» (А 809 / В 837) описан как идеал высшего блага: «Свобода, отчасти движимая нравственными законами, отчасти ограничиваемая [ими], сама была бы причиной всеобщего блаженства, следовательно, разумные существа, ведомые такими принципами, сами были бы творцами своего собственного и вместе с тем чужого прочного благополучия». Успешная политика, следовательно, есть нечто большее, чем «государственное благоразумие» или «практическое правоведение»: прежде всего, это «объединяющее толкование жизненного мира общества» (Dierksmeier, 2009, S. 52). Но каким способом можно выявить «актуальные социально-этические проблемы» народа? — вариант ответа вполне (уже) традиционный: используя описанные в «Критике способности суждения» воображаемое общее чувство, общечеловеческий разум, требуется встать на позицию «любого другого». «Политическая философия должна принимать в расчет множественность мнений в качестве фундаментального факта человеческих мысли и деятельности» (Гуторов, 2005). При этом Дирксмайер предостерегает от излишне радикального понимания этого метода в трудах Ханны Арендт и Эрнста Фолльрата: они, открыв эту идею, приписали ей слишком большую самостоятельность, независимость от незыблемых норм Кантовой практической философии³⁰. Какой же могла бы быть, к примеру, формула связи «положительного принципа» с категорическим императивом права?

Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом, и чтобы максима твоего поступка находилась в соответствии с принципом публичности (Калинников, 2005, с. 80).

Насколько такой ответ полон и насколько он краток — предоставим размышлять читателю.

Список литературы

1. *Арендт Х.* О политической философии Канта : курс лекций / пер. А.Н. Саликова. Лекция 10 // Кантовский сборник. 2011. №4 (38). С. 106–112.
2. *Брок Л.* Легитимация и критика насилия в международном праве. Политологическая перспектива / пер. с нем. А.С. Зильбера // Кантовский сборник. 2013. №4 (46). С. 30–41.
3. *Гуторов В.А.* Современная политическая философия в контексте наследия И. Канта // Политэкс. Политическая экспертиза. Альманах. 2005. Вып. 2. С. 7–14. URL: www.politex.info/content/view/153/30/ (дата обращения: 22.06.2015).
4. *Зильбер А.С.* «Негативная мудрость» политического Просвещения // XI Кантовские чтения: Кантовский проект просвещения сегодня : матер. междунар. конф. Калининград, 2014. С. 178–181. URL: kant-online.ru/?p=1693 (дата обращения: 18.07.2015).
5. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М., 1994а. Т. 7.
6. *Кант И.* К вечному миру // Соч. на нем. и рус. яз. М., 1994б. Т. 1.
7. *Кант И.* Критика способности суждения // Там же. М., 2001. Т. 4.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. 2-е изд. // Там же. М., 2006. Т. 2, ч. 1.

³⁰ Развернутую критику дают Riley, 1992 и Gutschker, 1999.

9. Кант И. Метафизика нравов. Первая часть // Соч. на нем. и рус. яз. М., 2014. Т. 5, ч. 1.
10. Кант И. О поговорке: может быть, это верно в теории, но не годится для практики // Там же. М., 1994в. Т. 1.
11. Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда) // Кант И. Трактаты, рецензии, письма. Калининград, 2009. URL: kant-online.ru/?p=1617 (дата обращения: 23.07.2015).
12. Кант И. Спор факультетов. Калининград, 1999. URL: kant-online.ru/?p=3137 (дата обращения: 23.09.2015).
13. Калининков Л.А. Развитие учения о категорическом императиве права в трактате «К вечному миру» // Калининков Л.А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005. С. 78–81.
14. Круглов А.Н. Несоввершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления // Кантовский сборник. 2014а. № 3(49); 2014б. № 4(50).
15. Саликов А.Н. Мирный проект И. Канта и модели решения дилеммы безопасности в современной теории международных отношений // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики : матер. междунар. семинара. Калининград, 2013. URL: kant-online.ru/en/?p=556 (дата обращения: 07.04.2015).
16. Соловьёв Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005.
17. Соловьёв Э.Ю. Понятие права в кантовском проекте «вечного мира». Доклад на Шестых сенатских чтениях 24 марта 2011 г. URL: www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceSolovev.aspx (дата обращения: 19.05.2015).
18. Хабермас Ю. Кантова идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 1996.
19. Хабермас Ю. Кантовский проект и расколотый Запад // Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
20. Хинске Н. Между Просвещением и критикой разума: этюды о корпусе логических работ Канта / пер. А.К. Судакова. М., 2007.
21. Blesenkemper K. «Public age» — Studien zum Öffentlichkeitsbegriff bei Kant. Frankfurt a/M, 1987.
22. Ceballes J. Hearing the Call of Reason: Kant and Publicity : Doct. Diss. Indiana Univ., 2007.
23. Davis K.R. «Publicity» and Political Justice // History of Philosophy Quarterly. 1991. Vol. 8, № 4. Hume and Kant Issue. P. 409–421.
24. Davis K.R. Kant's Different «Publics» and the Justice of Publicity // Kant-Studien. 1992. Jg. 83, Heft 2. P. 170–184.
25. Dierksmeier C. Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff // Kants Lehre von Staat und Frieden / hrsg. v. H. Ottmann. Baden-Baden, 2009.
26. Garcia-Marza D. Kant's Principle of Publicity: The Intrinsic Relationship between the two Formulations // Kant-Studien. 2012. Jg. 103. S. 96–113.
27. Gerhardt V. I. Kants Entwurf «Zum ewigen Frieden». Darmstadt, 1995.
28. Gutschker T. Ästhetik und Politik. Annäherungen an Kants politische Philosophie // Kant als politischer Schriftsteller / hrsg. v. T. Stammen. Würzburg, 1999. S. 43–56.
29. Eberl O., Niesen P. (Hg.) Immanuel Kant. «Zum ewigen Frieden» und Auszüge aus der Rechtslehre / komm. von O. Eberl und P. Niesen. Berlin, 2011.
30. Eisler R. Kant-Lexikon. Hildesheim, 1984.
31. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962.
32. Hidalgo O. Kants Friedensschrift und der Theorienstreit in den internationalen Beziehungen. Wiesbaden, 2012.
33. Klemme H.F. Einleitung // Kant I. Über den Gemeinspruch... Zum ewigen Frieden. Hamburg, 1992.
34. Laursen J.C. The Subversive Kant: The Vocabulary of «Public» and «Publicity» // Political Theory. 1986. Vol. 14, № 4. P. 584–603.
35. Menzer P. (Hg.) Eine Vorlesung Kants über Ethik. Berlin, 1924.

36. Riley P. Hannah Arendt on Kant, Truth and Politics // Essays on Kant's Political Philosophy / ed. by H. Williams. Cardiff, 1992.

37. Sassenbach U. Der Begriff des Politischen bei Immanuel Kant. Würzburg, 1992.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер – аналитик Института Канта Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, a-zilb@ya.ru

HOW TRANSCENDENTAL ARE KANT'S PRINCIPLES OF PUBLIC LAW?

A. Zilber

This article presents a comprehensive analysis of the content, meaning, and scenarios of applying the transcendental principles of public law formulated in the second appendix to Kant's treatise Toward Perpetual Peace. The author compares different interpretations of these principles by Russian and international researchers. The article strives to answer the question as to what type of 'public' is meant by these principles, whether these principles can serve as a priori criteria for selecting maxims, how efficient these principles are as empirical criteria for establishing legitimacy, and whether they can be characterized as 'transcendental'. Kant's discourse on publicity – a result of strenuous efforts presented in a number of writings and lectures – takes the reader to the area of empirical practices and anthropological observations capable of distorting the required purity of the form when taken together. In effect, they turn out to be either motives for searching for transcendental principles or examples targeted at a certain type of readers and political agents. Identifying the role of publicity principles in Kant's system of law and their strict positioning is also a complicated problem raising new questions as to their acceptable and preferable application. The principles are explicated in the treatise on perpetual peace. However, this article demonstrates that, despite the dominant opinion, further comments and examples can be found in Kant's later writings. Finally, the author considers a moderate interpretation that makes it possible to harmonise the publicity principles as (meta) principles of lawmaking and law enforcement with the core of Kant's system of law and morals. This resolves the issue of direct efficiency of these principles, whereas the declaration of the formal character of the 'doctrine of happiness' dispels doubts over the implicitly a posteriori and empirical nature of criteria introduced as formal and a priori ones.

Key words: public law, politics, publicity, morals, justice of maxims, transcendental and empirical, a priori principles, bliss and happiness, form and substance of law, law enforcement.

References

1. Arendt, H. 2011, O politicheskoy filosofii Kanta: Kurs lekcij. Perev. A.N. Salikova. Lekcija 10 [Lectures on Kant's Political Philosophy. Transl. by A.N. Salikov. Lecture 10], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2011. No. 4 (38). P. 106–112.

2. Brock, L. 2013, Legitimacija i kritika nasilija v mezhdunarodnom prave. Politologičeskaja perspektiva. Per. s nem. A.S. Zil'bera [The Legitimation and the Criticism of Violence in International Law. A political science perspective], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. 2013. No. 4 (46). P. 30–41.

3. Gutorov, V.A. 2005, Sovremennaja politicheskaja filosofija v kontekste nasledija I. Kanta [The Modern Political Philosophy in a Context of Kant's Heritage], in: *Politeks. Politicheskaja jekspertiza. Al'manah*. [Politex. Political Review. Almanac] 2005. No. 2. P. 7–14. URL: <http://www.politex.info/content/view/153/30/> (accessed on 22.06.2015)

4. Zilber, A.S. 2014, «Negativnaja mudrost'» politicheskogo Prosveshhenija [The „Negative Wisdom“ of Political Enlightenment], in: *XI Kantovskie chtenija: Kantovskij proekt prosveshhenija segodnja: materialy mezhdunarodnoj konferencii* [XI Kant Readings: Kant's Enlightenment Project Today: Proceedings of the International Conference]. Kaliningrad. P. 178–181. URL: kant-online.ru/?p=1693 (accessed on 18.07.2015).

5. Kant, I. 1994a, *Antropologija s pragmatičeskoj točki zrenija* [Anthropology from a Pragmatical Point of View], in: Kant, I. Soch.: v 8 t. T. 7. [Writings: in 8 vol. Vol. 7] M.
6. Kant, I. 1994b, *Zum ewigen Frieden*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
7. Kant, I. 2001, *Kritik der Urteilskraft*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 4. M.
8. Kant, I. 2006, *Kritik der reinen Vernunft. 2-e izd.*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 2. Tl. 1. M.
9. Kant, I. 2014, *Die Metaphysik der Sitten. Erster Teil*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 5. Tl. 1. M.
10. Kant, I. 1994b, *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nichts für die Praxis*, in: Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Bd. 1. M.
11. Kant, I. 2009, *Ob odnom otkrytii, posle kotorogo vsjakaja novaja kritika chistogo razuma stanovitsja izlishnej vvidu nalichija prezhnej (Protiv Jeberharda)* [On a Discovery Whereby any new Critique of Pure Reason is to be Made of Superfluous by an Older one (Contrary to Eberhard)], in: *Kant, I. Traktaty, recenzii, pis'ma* [Tractates, Reviews, Letters]. Kaliningrad. URL: kant-online.ru/?p=1617 (accessed on 23.07.2015)
12. Kant, I. 1999, *Spor fakul'tetov* [The Contest of the Faculties]. Kaliningrad. URL: kant-online.ru/?p=3137 (accessed on 23.09.2015)
13. Kalinnikov, L. A. 2005, *Razvitie uchenija o kategoricheskom imperativu prava v traktate «K vechnomu miru»* [Development of Theory of the Categorical Imperative of Law in the Tractate "Toward Perpetual Peace"], in: Kalinnikov, L. A. *Kant v russoj filosofskoj kul'ture* [Kant in the Russian Philosophical Culture]. Kaliningrad. P. 78–81.
14. Krouglov, A. N. 2014, *Nesovershennoletie i zadacha istinnogo preobrazovanija obraza myshlenija* [Immaturity and the Objective of a True Reform in Ways of Thinking], in: *Kantovskij sbornik* [Kant's Compendium]. No. 49(a), 50(6).
15. Salikov, A. N. 2013, *Mirnyj proekt I. Kanta i modeli reshenija dilemmy bezopasnosti v sovremennoj teorii mezhdunarodnyh otnoshenij* [Kant's Peace Project and the Models of Solution of Security Dilemmas in the Modern Theory of International Relations], in: *Kantovskij proekt vechnogo mira v kontekste sovremennoj politiki: materialy mezhdunar. seminarov* [Kant's Project of Perpetual Peace in the Context of Contemporary Politics: proceedings of international seminar]. Kaliningrad. URL: kant-online.ru/en/?p=556 (accessed on 07.04.2015)
16. Solov'jov, E. Yu. 2005, *Kategoricheskiy imperativ nraostvennosti i prava* [The Categorical Imperative of Morals and Right]. M.
17. Solov'jov, E. Yu. 2011, *Ponijatie prava v kantovskom proekte «vechnogo mira»*. Doklad na Shestyh senatskih chtenijah [Concept of Right at the Kant's Project of Perpetual Peace. The paper from "The 6th Senat Readings"]. URL: www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceSolovev.aspx (accessed on 19.05.2015)
18. Habermas, Yu. 1996, *Kantova ideja vechnogo mira – iz 200-letnej istoričeskoj perspektivy* [Kant's Idea of Perpetual Peace – From the 200 Years Historical Perspective], in: Habermas, Yu. *Vovlechenie drugogo. Očerki političeskoj teorii* [Involving one Another. Essays on Political Theory]. SPb.
19. Habermas, Yu. 2008, *Kantovskij proekt i raskolotyj Zapad* [Kant's Project and the Divided West], in: Habermas, Yu. *Raskolotyj Zapad* [The Divided West]. M.
20. Hinske, N. 2007, *Mezhdru Prosveshheniem i kritikoj razuma: jetjudy o korpuse logičeskikh rabot Kanta*. Perv. A. K. Sudakova [Among the Enlightenment and the Critique of Reason: Studies on the Case of Kant's Logical Works. Transl. by A. K. Sudakov]. M.
21. Blesenkemper, K. 1987, *„Publice age“ – Studien zum Öffentlichkeitsbegriff bei Kant*. Frankf. a. M.
22. Ceballes, J. 2007, *Hearing the Call of Reason: Kant and Publicity*. Doct. Diss., Indiana Univ.
23. Davis, K. R. 1991, *„Publicity“ and Political Justice*, in: *History of Philosophy Quarterly*, Vol. 8, No. 4, Hume and Kant Issue, p. 409–421.
24. Davis, K. R. 1992, *Kant's Different „Publics“ and the Justice of Publicity*, in: *Kant-Studien*, Jg. 83. Issue 2. P. 170–184.

25. Dierksmeier, C. 2009, Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff, in: *Kants Lehre von Staat und Frieden*. Hrsg. v. H. Ottmann. Baden-Baden.
26. Garcia-Marza, D. 2012, Kant's Principle of Publicity: The Intrinsic Relationship between the two Formulations, in: *Kant-Studien*. Jg. 103. S. 96–113.
27. Gerhardt, V. 1995, *I. Kants Entwurf "Zum ewigen Frieden"*. Darmstadt.
28. Gutschker, T. 1999, Ästhetik und Politik. Annäherungen an Kants politische Philosophie, in: *Kant als politischer Schriftsteller*. Hrsg. v. T. Stammen. Würzburg. S. 43–56.
29. Eberl, O., Niesen, P. (Hg.) 2011, Immanuel Kant. „Zum ewigen Frieden“ und Auszüge aus der Rechtslehre. Kommentar von Oliver Eberl und Peter Niesen. Berlin.
30. Eisler, R. 1984, *Kant-Lexikon*. Hildesheim.
31. Habermas, J. 1962, *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Neuwied.
32. Hidalgo, O. 2012, *Kants Friedensschrift und der Theorienstreit in den internationalen Beziehungen*. Wiesbaden.
33. Klemme, H.F. 1992, Einleitung, in: Kant, I. *Über den Gemeinspruch... Zum ewigen Frieden*. Hamburg.
34. Laursen, J. C. 1986, The Subversive Kant: The Vocabulary of "Public" and "Publicity", in: *Political Theory*. Vol. 14. No. 4. Pp. 584–603.
35. Menzer, P. 1924, *Eine Vorlesung Kants über Ethik*. Berlin.
36. Riley, P. 1992, Hannah Arendt on Kant, Truth and Politics, in: *Essays on Kant's Political Philosophy*. Ed. by H. Williams. Cardiff.
37. Sassenbach, U. 1992, *Der Begriff des Politischen bei Immanuel Kant*. Würzburg.

About the author

Andrey Zilber, Analyst, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, a-zilb@ya.ru